
А.Я.Диковский

Судьбой подаренная встреча

Начиная с 1983 года, когда наряду с чисто математическими проблемами теоретической информатики я стал заниматься прикладными задачами, мы регулярно пересекались с Эдуардом Зиновьевичем Любимским на программистских конференциях. Но в те годы общаться с ним мне не довелось. Он был одним из отцов-основателей, сидел в президиумах, руководил секциями, я же в те времена был ещё новичком в этой области. Позже, когда я занялся автоматическим синтезом программ и у нас возникли общие научные интересы, нам случалось обмениваться мнениями в дискуссиях, но настоящей встречи не было. Она произошла в 1986 году, когда я впервые приехал из Калинина (нынешней Твери) на семинар Э.З.Любимского и М.Р.Шурабура на ВМК МГУ. Это был, конечно, замечательный семинар, но его главным достоинством были эти два виртуоза дирижера, которые, будучи абсо-

лютно противоположными и дополнительными по стилю, превращали семинары в захватывающий спектакль. Михаил Романович, искрящийся энергией, бурно реагирующий, останавливавший докладчика на полуслове, вставляя поощрительный или недоуменный комментарий, изобилующий парадоксами, ассоциациями, методологическими советами, представлял для выступающего определенную опасность и мог превратить доклад в дискуссию. Эдуард Зиновьевич, напротив, сухой и подтянутый, слушал внимательно и долго, лишь изредка задавая вопросы там, где чего-то не хватало. Однако наступал момент, когда он, в своей мягкой манере, брал прерывание и в немногих словах, предельно ясно объяснял суть основного понятия или результата. Мне очень импонировала эта его манера понимать, пересказывая по-своему. Впоследствии я её очень оценил. Из этих его "пересказов", классически простых и четких, заинтересованный слушатель нередко мог извлечь интересный и новый взгляд на свою работу, иной раз заключающий элементы полемики. Несколько раз я выступал на семинаре с докладами, а перебравшись в Подмоскovie, и вовсе стал его завсегдаем. Как-то, поздней осенью 1988 года, Эдуард Зиновьевич и Михаил Романович попросили меня задержаться после семинара и огорошили неожиданным вопросом, не хотел бы я перейти на работу в ИПМ. По определенным причинам такая мысль просто не могла прийти мне в голову. Впрочем, они ничего и не обещали. Но на дворе уже пахло Перестройкой. Вот так в 1989 году произошло невозможное, и я попал в отдел Любимского.

От этих первых келдышевских лет у меня осталось воспоминание полного счастья. Эдуард

Зиновьевич был идеальный руководитель. С одной стороны, он умело держал дистанцию по отношению к сотрудникам, отчего его распоряжения были неукоснительны, с другой — был уважаем и любим всеми. Он был детально в курсе всех работ, никогда не навязывал своих решений и был всегда готов обсуждать возникшую проблему. Если того требовало дело, в отделе устраивались интенсивные семинары — "brainstorming". В результате, мы понимали друг друга с полуслова. И не только в работе. Он был интересный собеседник, и с ним было столь же интересно обсудить научные проблемы или проблемы образования, сколь текущую политику, или, например, живопись, в которую он был влюблен, — на все он имел собственное интересное мнение, иной раз на очень специальные темы — мне запомнился наш разговор о русской иконе и теории обратной перспективы Отца Флоренского. Я не помню случая, чтобы Эдуард Зиновьевич спорил. Мог поправить фактическую неточность, мог высказать, и охотно высказывал свое мнение, внимательно выслушивал чужое, и уж вовсе никогда не высмеивал мнение оппонента. Умел мягко и очень дружелюбно иронизировать, как бы безлично и с дружелюбной улыбкой. Каждый, кто с ним близко общался, навсегда запечатлел в душе эту его особенную улыбку, чуть приподнятую правую бровь и искрящиеся весельем глаза. Конечно, вовсе не всегда и не со всеми он был столь мягок. Мне доводилось наблюдать, как он реагировал на неприемлемые заявления в официальной обстановке. Спокойно вставая, он аккуратно поправлял кожаный пиджак, делая легкое движение головой, как будто поправляя галстук (а галстуков он никогда не носил). Увидев

это в первый раз, я подумал: «Ну, сейчас врежет». Ничего подобного. Подчеркнуто сухо, вежливо и убийственно логично, Эдуард Зиновьевич говорил, как забивал гвоздь. И это производило впечатление. Вообще, для меня этот мудрый, сильный и автоматически внушающий уважение человек всегда был, и с годами так и остался окутан атмосферой легкой загадочности. Всякий знал, что он был одним из авторов первого в Советском Союзе, и одного из первых в мире компиляторов, многие знали, что он занимался и другими стратегическими проектами, но какими? Он был замкнут, был явный интроверт, и при этом имел очень близких друзей. Каков он был с ними? Почему они называли его Сашей? В ответ на мои вопросы сотрудники отдела пожимали плечами.

Это было новое и интересное время. Как раз такое, какое, как в известной китайской поговорке, не пожелаешь и врагу. Страна, как сумасшедший ледник, оторвавшись от привычного ложа, сползала в неизвестное будущее, набирая скорость. Это будущее внушало и надежды, и опасения. Каждый день приносил неожиданные новости, которые бурно обсуждались на ежедневных послеобеденных чаепитиях. Присутствие на них Эдуарда Зиновьевича всегда ожидалось с нетерпением. Ему нечасто удавалось выбраться, а если удавалось, его немедленно втягивали в очередную горячую дискуссию. Как всегда, его комментарии к событиям и прогнозы, продуманные, логичные и основанные на тонком понимании Системы, внушали доверие. Зачастую, в общую атмосферу неясных надежд и оптимизма, царившую на этих чаепитиях, Эдуард Зиновьевич привносил немало отрезвляющего скепсиса. А реальная жизнь обгоняла воображение.

Балаганный путч, баррикады, Беловежская пуща и революционная эйфория, а затем и холодный душ гиперлиберальных реформ, затеянных доморощенными "молодым реформаторами" по лучшим иноземным рецептам и учебникам и осуществляемых, ломая через колено, в духе сталинских пятилеток: лес рубят — щепки летят. Наступало время новых русских и новых нищих. На улицы Москвы откуда неведь спланировали невиданные персонажи с подозрительными физиономиями и в красных пиджаках, списанных у Малевича. За институтской решеткой, перед бесстрастным взглядом Келдыша, из тормозивших с визгом джипов Чероки, выскакивали "крутые" и, перегородившая улицу, решали свои неотложные проблемы, держа руки за бортами пиджаков. А Институт пустел. Это было не время науки и не время культуры. Отпущенные "макроэкономистами" на самокупаемость, они стремительно нищали и хирели. Исчезли семинары, прекратились конференции. Молодёжь в одночасье разбежалась по банкам и богатым предприятиям, уезжала за рубеж. И вот в эту трудную пору Эдуард Зиновьевич проявился с неожиданной стороны.

ИПМ был его вторым домом, он был из тех, кто стоял у его истоков, и он не мог, опустив руки, наблюдать за удушением родного детища. Руководству, в которое он входил, пришлось принимать чрезвычайные и нестандартные решения, например, сдавать в аренду один из корпусов. Но этого было мало. Эдуард Зиновьевич создал малое предприятие, в котором работала большая часть сотрудников отдела, искал и находил заказчиков, лично участвовал в переговорах, в анализе задач. Немногочисленные теоретики, к числу которых

относился и я, помогали чем могли: участвовали и руководили грантами РФФИ, наводили мосты с РГГУ, сотрудничали в создании программ и преподавании современных систем и методов программирования и теоретических основ искусственного интеллекта и математической лингвистики. И в этой работе Эдуард Зиновьевич принимал участие на решающей организационной стадии. Усилия руководства не остались втуне — Институт остался на плаву, а в отделе даже появились "IBM PC" заказчиков — немыслимое дело по тем временам. Парадокс это или нет, но именно в это мало располагавшее к философским обобщениям время Эдуард Зиновьевич стал говорить о необходимости разработки специальной юрисдикции и системы этических норм в иносфере, т. е. в сообществе программ, с тем чтобы избежать самоорганизации искусственного разума с непредсказуемыми последствиями. Наверное, всё же — не парадокс. На ум приходят размышления Циолковского о космических полетах в провинциальной Калуге, ошалевшей от революционных бурь, голода и НЭПа. Можно верить или не верить в возможность самостоятельного коллективного разума программ, способного составить конкуренцию человеческому разуму, но сама по себе обогнавшая своё время постановка проблемы бесспорна и становится ныне все более актуальной. Спустя много лет, в 2005 году, Эдуард Зиновьевич убедительно и в предельно ясной форме выразил эту глубокую мысль в небольшой статье «На пути к построению общества программ».

В 1994 году передо мной встал трудный выбор: либо окончательно рвать с теоретической тематикой и заняться практическим программированием,

либо начать ездить на заработки за границу. Выбрав в конце концов второе, я стал проводить по полгода за рубежом, и мы стали реже видеться, а с 1998 года, когда я окончательно осел во Франции, наши встречи стали еще более редкими. Наша последняя встреча случилась в декабре 2006 года и была она совершенно необычной. Начать с того, что цель моего визита никак не располагала к веселью: я должен был оформлять документы на увольнение из Института. Но в отделе меня и вовсе расстроили, рассказав, что идет укрупнение и слияние академических институтов, и что есть серьёзный риск того, что ИПМ растворится в новой структуре и исчезнет как таковой. Эдуард Зиновьевич отчаянно боролся против этого, выступал в прессе, взывая к общественному мнению. И именно в этот день должен был состояться институтский совет, который должен был официально высказаться по этому вопросу. Эдуард Зиновьевич появился незадолго до начала совета, и у нас оставалось на всё про всё полчаса. Обычно уравновешенный, на этот раз он был взвинчен. Никогда прежде я не видел его в таком состоянии. Дело, стало быть, и впрямь было плохо. Наскоро распрощавшись, он убежал на совет, и больше мы уже не свиделись... Через полгода Эдуард Зиновьевич слег с тяжелым недугом, а в феврале 2008 пришла скорбная весть.

«Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи». Лучше поэта не скажешь. Обыденное, будничное общение искажает масштаб — не из-за суетности, из-за близости. Потеря, сколь она ни горька, все расставляет на свои места. Мы были рядом с большим человеком. Лапидарные строки некролога говорят, как много он создал,

скольких воспитал, сколь важным был его труд. А в душах людей, которым выпало счастье быть его близкими, друзьями, сотрудниками, делившими с ним жизнь и будни, навсегда осталось тепло, которое он щедро дарил, и благодарность за то, что был он точным камертоном, за то, что был опорой в трудную пору.